

ВЛАДИМИР ГРИНЬКОВ

**Я – ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ.
ЗАКАЗ НА ОЛИГАРХА**

ИДДК

Я – телохранитель

Владимир Гриньков

**Я – телохранитель.
Заказ на олигарха**

«ИДДК»

2006

Гриньков В. В.

Я – телохранитель. Заказ на олигарха / В. В. Гриньков —
«ИДДК», 2006 — (Я – телохранитель)

ISBN 5-699-15704-2

Руководитель охранного агентства направляет телохранителя Китайгородцева на Рублёвку, в семью очень небедного человека. И предстоит не самого олигарха охранять, а его ослепительную жену с годовалым ребёнком. Шеф так говорит об охраняемой: «Молодая, красивая, ноги от ушей. Тебе понравится. Вот увидишь». Но там оказалось совсем не романтично, а смертельно опасно. По роману «Заказ на олигарха» был снят популярный телевизионный сериал «Я – телохранитель», премьера которого состоялась в 2008 году.

ISBN 5-699-15704-2

© Гриньков В. В., 2006

© ИДДК, 2006

Владимир Гриньков

Я – Телохранитель. Заказ на олигарха

© Гриньков Владимир

© ИДДК

* * *

Директор охранного агентства "Барбакан" Роман Александрович Хамза столкнулся с Китайгородцевым в лифте. Обычно в подобных случаях Хамза только кивнёт приветственно или, в лучшем случае, спросит невнимательно: "Как дела?" и так же невнимательно выслушает непереносимое: "Нормально", а тут вдруг воззрился так, будто чем-то Китайгородцев сумел его внимание привлечь.

– Ты где сейчас? – спросил Хамза. – На каком объекте?

– Уже ни на каком. В отпуск ухожу. С завтрашнего дня.

– Куда-нибудь едешь? За границу? Или по родной стране на теплоходе?

– Не решил еще.

– То есть планов никаких? Ни в какое турагентство деньги не успел отнести?

– Нет.

– Вот и хорошо, – цинично порадовался чужой неустроенности Хамза. – Ты мне нужен.

– Отпуск! – воспротивился почувствовавший неладное Китайгородцев.

– Успеешь! – певуче посулил воспрянувший духом Хамза. – Толик! У меня работёнка для тебя – почти курорт. Мы сейчас с Проскуровым работаем...

– Только не это! – сразу сказал Китайгородцев.

– Почему? – вопросительно глянул Хамза.

– Наслышан, – ответил неопределенно Китайгородцев.

– Ты с ним работать не будешь. Ты с женой его работать будешь. И с его ребенком. Год мальчику.

И снова Китайгородцев сказал:

– Только не это! Ну, зачем из меня делать няньку?

– Толик! – произнес Хамза тоном, каким обычно разговаривают с людьми, не понимающими своего счастья. – Женщина с сынулей собралась на всё лето уехать из Москвы. Под Муром. Река Ока. Красивые места. Спокойно. Тихо. Там у них дача. Одна из многих. И среди этого великолепия – ты. Поди плохо! Уже считай, что отпуск. А свой отпуск ты позже отгуляешь. Когда вернёшься. И вообще – ты жену Проскурова видел? Молодая, красивая, ноги от ушей. Тебе понравится. Вот увидишь.

Только этого еще не хватало.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КИТАЙГОРОДЦЕВ:

«Про ноги от ушей и про то, что мне понравится – это шеф так пошутил. Потому что телохранителя, у которого с его подопечным возникает что-то личное, нужно сразу списывать на берег, как в подобных случаях говорит Хамза. В нашем агентстве так и происходит – при малейших подозрениях. Телохранитель – это человек-функция. Ничего личного. А если появляются личные мотивы – может произойти сбой. Последний случай такого рода был у нас года два назад. Сотрудник нашего агентства охранял дочку одного очень небедного человека. И возникла у них взаимная симпатия. То есть он продолжал её охранять вроде как по службе, только смотрел на девушку уже не просто как телохранитель – и окружающее он,

соответственно, тоже видел теперь как-то иначе. И вот однажды они сидели в ресторане. Рядом веселилась компания. Мужская. Где едва ли не на каждом были синий берет и тельняшка. Бывшие десантники профессиональный праздник отмечали. И вот, когда эти ребята хорошо набрались, им женского общества захотелось. А девушка, подопечная нашего сотрудника – вот она, рядом. И с нею – всего лишь один парень. А тех, в тельняшках, было шестеро. И они полезли, ещё не зная, с кем имеют дело. Тогда телохранитель достал свой пистолет, положил вмиг протрезвевших ухажёров на пол, и спокойно вывел свою подопечную из ресторана. Наверное, он был очень горд собой. Защищал. Поступил, как настоящий мужчина. Но не как телохранитель, к сожалению. Потому что настоящий телохранитель не изображал бы из себя неустрашимого мачо, а эвакуировал свою подопечную много раньше, ещё до того, как подозрительная компания по соседству успела набраться до зелёных чёртиков в глазах. Получалось, что парень перед девушкой пофорсил, забыв о работе и своих непосредственных обязанностях. Хамза, когда узнал о происшедшем, выгнал горе-героя с работы».

* * *

В обширном и тщательно охраняемом проскуровском поместье в районе престижного Рублёво-Успенского шоссе Китайгородцева встретил мужчина в возрасте под пятьдесят: невысокий, с аккуратной причёской редких светлых волос, с неуловимым, но внимательным взглядом, вежливый и совершенно не улыбочивый.

– Вы из "Барбакана"? – уточнил он и пожал руку Китайгородцева мягким осторожным движением. – Мне Хамза звонил. Меня зовут Алексей Алексеевич. Фамилия – Котелков. Сейчас я вас введу в курс дела.

За следующие пять минут Алексей Алексеевич в присутствии Китайгородцева успел обнаружить непорядок на цветочной клумбе и указать на это мгновенно принявшему виноватый вид садовнику, потом поговорил по мобильному телефону, твердо заявив невидимому собеседнику, что вылет переносится на три часа раньше и никакие возражения не принимаются, потом ещё говорил по телефону, обсуждая подробности приобретения какого-то особняка на Мясницкой улице, и этот разговор закончил словами о том, что покупка на таких условиях нецелесообразна, и он Проскурову даже докладывать не будет о сделанном предложении, и что если у продавца возникнут новые предложения, более интересные – он готов их обсуждать.

Пока продолжались все эти переговоры, Алексей Алексеевич и Китайгородцев дошли до огромного двухэтажного дома, площадь помещений в котором наверняка составляла более тысячи метров.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КИТАЙГОРОДЦЕВ:

Хорошо Проскуров тут обосновался. Надежно. С умом. Здесь есть и кустарники, и низкорослые деревья, но все они на периферии поместья, ближе к забору, а непосредственно перед домом пространство открытое – всё видно, как на ладони. Все дорожки освещены. Видеокамеры установлены повсюду, но их не видно – я их нахожу только потому, что знаю, где искать. Все окна первого этажа, несмотря на летнюю жару, закрыты наглухо, и я голову даю на отсечение, что там бронестекло. Маленькая крепость, замаскированная под внушительных размеров, но всё-таки довольно легкомысленный на вид особняк.

– Дети есть?

Застигнутый вопросом врасплох, Китайгородцев вопросительно посмотрел на Алексея Алексеевича.

– Нет, – сказал после паузы.

– Это ничего, – равнодушно произнес Алексей Алексеевич. – Давно в "Барбакане"?

– Да.

– Нравится?

– Да.

– Право на ношение оружия у вас, конечно, есть?

– Есть.

Вошли в дом. Алексей Алексеевич спросил у домработницы, которая натирала и без того сияющее чистотой зеркало размерами с футбольные ворота.

– Виктория Александровна у себя?

– Да, Алексей Алексеевич.

– Скажи ей, что охранник для Муромы приехал. Мы будем у меня.

Алексей Алексеевич привел Китайгородцева в одну из комнат, которая служила ему рабочим кабинетом: рабочий стол, сейф, полки с папками и книгами, компьютер. Кивнул на кресло:

– Садитесь!

Сам сел за стол и сразу стал похож на начальника. Даже взгляд у него при этом изменился – суше и строже смотрел.

– Коротко! – сказал Алексей Алексеевич. – Виктория Александровна – это супруга Сергея Алексеевича.

Проскурова, стало быть.

– С сыном со своим, с Алешей...

В честь деда назвали, отметил Китайгородцев.

– ...уезжает на дачу под Муромом на всё лето, – продолжал Алексей Алексеевич. – Поедет недели через две, когда там будет всё готово. Ваш человек туда уехал...

Алексей Алексеевич заглянул в свои записи, отыскивая имя и фамилию откомандированного под Муромом работника "Барбакана".

– Баранов, – подсказал Китайгородцев.

– Да, правильно, Баранов. Он там осмотрится на месте. Определится, что по вашей линии необходимо сделать, и тогда вы сразу уезжаете. Ориентировочно вы там – до сентября.

Открылась дверь кабинета и вошла высокая стройная женщина с внешностью фотомодели. Алексей Алексеевич тут же поднялся из-за стола, Китайгородцев последовал его примеру.

– Виктория Александровна, это телохранитель из того охранного агентства, с которым мы работаем, – доложил Алексей Алексеевич. – Хамза предлагает нам его для Муромы.

У неё глаза были такой голубизны, что в них хотелось смотреть, не отрываясь.

– Как ваше имя? – спросила Виктория.

– Анатолий.

– Фамилия?

– Китайгородцев.

– Давно работаете?

– Да.

– Какой вы, право, немногословный, – едва заметно улыбнулась женщина.

Китайгородцев промолчал.

– Мы уезжаем через две недели, – сказала женщина. – Но вы с нами – уже с сегодняшнего дня.

Хочет присмотреться, понял Китайгородцев.

– Идёмте, я покажу вам нашего ребенка, – сказала Виктория. – Вам доводилось прежде заниматься детьми?

– Нет.

– Придется научиться. Тут своя специфика и я надеюсь, что у вас получится.

Хотя Китайгородцев молчал, Виктория вдруг заподозрила, что у него своё мнение на этот счет, и поинтересовалась, глядя на него внимательно:

– Вы со мной не согласны?

– В чём? – уточнил Китайгородцев.

– В том, что есть своя специфика.

– Возможно, – ответил Китайгородцев с невозмутимым видом. – Но в том, что касается охраны – тут требования общие, как правило.

Женщина смотрела так, словно ждала продолжения. Продолжения не последовало.

– Но я надеюсь, в нашем доме с охраной всё в порядке? – сказала Виктория, и можно было угадать улыбку в ее словах.

– Возможно.

– Или вы заметили что-то?

– Да.

У Алексея Алексеевича поползли вверх брови.

– Что же? – заинтересовалась Виктория, заметно развеселившись.

– В коридоре третий по счету светильник не горит, там возникла тёмная зона. Входная дверь вашего дома открывается внутрь, а не наружу, при пожаре чревато. На лестнице, что ведёт на второй этаж, отсутствует ковровая дорожка, её сняли для чистки, судя по всему, но ничего временно не постелили взамен, а там полированный мрамор и очень легко поскользнуться. И еще по пути сюда я не увидел ни одного огнетушителя.

– Они спрятаны, чтобы не маячить, – пояснил Алексей Алексеевич.

– Огнетушитель должен маячить, – озвучил давно затверждённую аксиому Китайгородцев. – Неспроста у них всегда яркий красный цвет. В случае опасности огнетушитель должен увидеть даже полуслепой человек, который впервые в этом доме.

Виктория уже не улыбалась.

– Наверняка вы увидели и что-то такое, что касается ребенка, – предположила она.

– У вас электрические розетки во всех помещениях – не выше двадцати сантиметров от пола. Необходимо поставить заглушки. Пол в некоторых комнатах, как я заметил, натирают – лучше бы этого пока не делать, потому что скользко. И вообще лучше бы выделить для ребенка детскую зону, где продумать всё в смысле безопасности от и до, а за границы этой зоны его не выпускать.

– Серьёзный подход, – сказала Виктория. – Я подумаю над вашими словами.

* * *

Виктория и Китайгородцев направились на второй этаж дома. Алексей Алексеевич неотступно следовал за ними.

– Мальчика зовут Алёша, – рассказывала Виктория. – Ему год. Славный мальчишка. Но чужих не любит. Будет плакать, когда вас увидит.

Походка у неё была, как у фотомодели. Может, она и была фотомodelью когда-то? У них с Проскуровым мезальянс. Он вдвое её старше. У Проскурова возраст – вот как у Алексея Алексеевича примерно. А она ему в дочери годится. Да, точно, она фотомodelью была. И он из-за неё ушел из семьи. Что-то там такое Хамза про проскуровского сына говорил. Школьник. Старшеклассник. И никак Виктория матерью старшеклассника быть не может. Значит, есть ещё какая-то женщина. Прежняя жена Проскурова.

Виктория открыла одну из дверей, и Китайгородцев увидел огромную детскую комнату, залитую солнечным светом, и в этой комнате – ухоженную няню в возрасте под пятьдесят и

неуверенно вышагивающего по полу мальчугана в памперсе. Когда дверь распахнулась, мальчишка обернулся и воззрился на Китайгородцева с таким видом, будто вот-вот готов был расплакаться. Китайгородцев остановился в дверях и на мальчика даже не смотрел. Достал из кармана блестящую никелированную зажигалку, повертел её в руках с задумчивым видом. Мальчишка переключился с лица незнакомого ему человека на вещицу в его руках. Тогда Китайгородцев – щёлк! – зажёг пламя – щёлк! – погасил. Ребенок смотрел заворуженно.

– Я не курю, – мягко произнес Китайгородцев, обращаясь к Виктории. – Но зажигалка у меня всегда с собой.

Он заговорил и мальчишка тут же забыл про зажигалку, но Китайгородцев – щёлк! – напомнил ему о её существовании.

– Зажигалка – это очень полезная вещь, – с прежней мягкостью в голосе сообщил Китайгородцев, и только теперь стало понятно, что не слова сейчас важны, а важна интонация, с которой эти слова произносятся.

Он гипнотизировал мальчика. Приучал его к себе. Приручал.

Щёлк! Вспыхнуло пламя.

Щёлк! Погасло.

Китайгородцев сделал пару шагов вперед, положил зажигалку на пол и отступил, вернулся к двери.

Мальчишка проковылял через всю огромную комнату, добрёл, наконец, до зажигалки, взял её в руки и разглядывал с замороженным видом. Потом поднял глаза на Китайгородцева. И вовсе он не собирался плакать.

Китайгородцев улыбнулся.

Мальчишка смотрел серьезно.

Китайгородцев закрыл свое лицо ладонями и издал прерывистый шипящий звук:

– Пш – пш – пш – пш – пш – пш – пш...

Приоткрыл ладонь, выглянул.

Мальчишка не улыбался.

Китайгородцев снова закрыл лицо и издал те же самые звуки. Первой не выдержала Виктория, засмеялась. И мальчишка засмеялся тоже.

– Вы действительно не имели дела с детьми? – спросила Виктория. – Не очень-то мне верится.

– Просто незнакомый человек не должен сразу приближаться к ребенку. Это настораживает его. Ребёнка надо приручить, – сказал Китайгородцев.

* * *

Днём к дому подъехал роскошный черный автомобиль. Остановился у входа. И никто из него не вышел. Потом водитель спохватился, видимо, покинул своё место, обошёл автомобиль, распахнул заднюю правую дверь и замер с каменным выражением лица, а из проёма двери сначала вынырнула нога в рваной синей штанине джинсов и стоптанной кроссовке, а после и сам человек появился – тщедушный подросток с некрасивым от злости лицом. Подросток что-то процедил сквозь зубы, адресуя слова водителю, у которого и теперь ни один мускул на лице не дрогнул – выучка, и мальчишка прошёл в дом, всем своим видом демонстрируя, какой паршивый этот дом, и день сегодня такой же паршивый, и вообще паршиво всё – без каких-либо исключений.

Наблюдавший за этой сценой из окна Китайгородцев услышал, как вздохнула стоявшая рядом Виктория. Она не смогла справиться с эмоциями. Не подавила вздох, и теперь посчитала нужным хотя бы что-то объяснить Китайгородцеву, который стал невольным свидетелем проявленной ею слабости.

– Пётр Сергеич, – сказала она. – Проскуров-средний.

Старший сын Проскурова, понял Китайгородцев. Но никак не отреагировал на слова своей собеседницы. А она решила, что Китайгородцев не понял её.

– Сводный брат моего Алёши, – пояснила Виктория. – Он здесь не живет. Сегодня первый день. Отец хочет, чтобы сын пожил у него это лето. До начала сентября.

Кажется, сама она была этому совсем не рада.

* * *

С Петром Сергеичем Проскуровым Китайгородцев столкнулся нос к носу в тот же день. Китайгородцев находился в одной из комнат дома, когда входная дверь вдруг распахнулась – на пороге стоял старший сын хозяина. Было ощущение, что мальчишка заглянул сюда безо всякой цели. Просто шел по коридору и открыл дверь наугад. Никого он здесь увидеть не ожидал и не хотел, а когда обнаружил в комнате незнакомца, готов был проследовать дальше, но плечевая кобура с пистолетом у Китайгородцева привлекла его внимание. Обычно Китайгородцев носил либо пиджак, либо куртку, которые скрывали оружие от посторонних взглядов, а тут он был один, пиджак снял, и кобура оказалась на виду.

Мальчишка смотрел на пистолет, не мигая.

– Петя! – послышался мужской голос.

И сам господин Проскуров собственной персоной нарисовался в проеме двери.

Китайгородцев уже держал в руках свой пиджак, прикрывая кобуру с пистолетом. Проскуров только скользнул по нему взглядом, и можно было подумать даже, что он Китайгородцева даже не увидел, хотя, конечно, увидел, просто Проскуров был настоящим, стопроцентным хозяином, который обслугу не замечает – до тех пор, пока человек или не понадобится, или не провинится.

– Пойдём, – сказал Проскуров-старший сыну.

Приобнял за плечо и увлёк за собой вдоль по коридору. Дверь комнаты так и осталась распахнутой.

* * *

– Вы должны всё время быть рядом с ребенком, – сказала Виктория. – Вы лично за него в ответе. Защищаете Алёшеньку ото всех. Даже от няни. Даже от членов семьи.

Она улыбнулась, давая понять, что это шутка. Китайгородцев промолчал.

– В доме вы – рядом с ребенком – продолжала Виктория. – Прогулки на свежем воздухе – вы опять рядом. Любой выезд в город – только с вами.

Улыбка с её лица уже стерлась, и она перечисляла свои требования с серьёзным видом школьницы, добросовестно старающейся не забыть ничего из заученного накануне.

– Вам всё понятно? – спросила она у Китайгородцева.

– Почти. Есть что-то такое, на что следовало обратить внимание?

– Это вы о чём? – уточнила Виктория.

– Может быть, какие-то ситуации вам видятся более опасными. Что-то такое, от чего надо особенно оберегать Алешу. Или какие-то люди могут создать для него проблемы.

– Нет, – сказала после паузы Виктория. – Ничего такого.

* * *

Алёшину няню звали Оксана Петровна. Два высших образования, мягкие движения, присущие заботливым матерям, и фрикативное произношение буквы "г", отчего слышится скорее "х", что выдавало в ней уроженку Украины.

Она обходилась с Алёшей так, будто это был её собственный внук, причём любимый. Не отбывала время рядом с ним, отрабатывая свою зарплату, а постоянно общалась, что-то рассказывая и о чём-то упрасывая, вызывая его на контакт и исподволь давая тот опыт жизни, который дети в Алёшином возрасте впитывают как губка. Алёша ни разу не отказался от сока, предложенного ему няней, а это означало, что Оксана Петровна всегда точно угадывала, когда мальчик захочет пить. И уже тем более она успевала подгадать тот момент, когда необходимо подставить руки – и ни разу Китайгородцев не увидел, чтобы мальчишка, споткнувшись, упал, его няня всегда была начеку.

Алеша прогуливался по лужайке перед домом. Няня была рядом. Китайгородцев держался в отдалении. Вроде бы и рядом, и в то же время не переключает на себя внимание мальчишки, который общается с няней.

Идиллическая картина. Солнечный летний день, но не жарко. Плывут по небу причудливой формы облака. Лужайка подстрижена так ровно, будто здесь собирались в гольф играть, да после передумали. Цветочные клумбы столь прихотливы, что взгляд невозможно оторвать, и наглядно видно, что не всегда зарытые в землю деньги были потрачены напрасно...

Резкий звук – и сразу внимание Китайгородцева переключилось.

Из-за дома на тарахтящем квадроцикле выскочил Петя. Погнал своего железного скакуна через лужайку, газанул, пришпорил. На лице – восторг и упоение скоростью. Домчался до деревьев, притормозил, развернулся, вновь крутанул ручку газа.

Он мчался, и траектория движения рычащей железяки пролегла слишком близко от маленького Алёши и от няни. Китайгородцев эту геометрию вычислил без труда и пошёл к Алёше, держа в поле зрения одновременно и его, и приближающийся квадроцикл.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КИТАЙГОРОДЦЕВ:

«Не пытаться перехватить... Не пытаться остановить... Железо телом не затормозишь... Алёшу в охапку и – в сторону... Убрать мальчишку с траектории движения... Няня... няню не успеваю... Только отвлекусь... Няня пускай спасается сама...»

Китайгородцев уже был рядом с Алёшей. Оставалось только взять мальчишку на руки. И в поле зрения Китайгородцев сейчас держал квадроцикл. Расстояние было небольшим. Последние полтора десятка метров. Тут Петя качнул рулем и квадроцикл, ревя, промчался мимо. Китайгородцев проследил за ним взглядом. На пути следования квадроцикла была клумба и Петя, если бы захотел, ещё имел возможность эту клумбу объехать. Но не захотел. Пропорол в клумбе безобразную колею, убивая еще секунду назад живые цветы, и помчался дальше, унося прочь первобытный восторг дикаря.

Оксана Петровна тоже смотрела ему вслед. И Китайгородцев обнаружил, какое бледное у женщины лицо. Будто сахарной пудрой обсыпано.

– Идите в дом, – сказал Китайгородцев нарочито спокойно. – На открытом солнце ребёнку долго быть нельзя.

* * *

Вечером в проскуровское поместье приехал Хамза. Китайгородцев увидел его случайно – Хамза как раз выходил из машины.

– Толик, здравствуй, – сказал невнимательно Хамза и протянул свою ладонь для приветствия. – Как дела? Освоился?

– Тут проблемы, Роман Александрович, – ответил негромко Китайгородцев. – И, кажется, серьёзные.

Хамза кивнул, по-прежнему рассеянно, но потом будто очнулся и всмотрелся в лицо собеседника, как человек обычно смотрит, пытаясь запоздало сообразить, что же такое он только что услышал и не послышалось ли ему.

– Похоже, что жена хозяина приставила телохранителя к своему ребенку не для того, чтобы от малыша комаров отгоняли, – сказал Китайгородцев. – Она всерьёз за малыша боится.

– Это она тебе сказала?

– Это я так понял.

– Им угрожали? – хмурился Хамза.

Ему, мол, в первую очередь должны были об этом сообщить, а он не в курсе, и это никуда не годится.

– Нет, насчёт угроз – это вряд ли, – ответил Китайгородцев. – У хозяина, у Проскурова, была семья. Был сын, Петя. А потом появилась молодая красивая Виктория, родила Проскурову другого сына, и Проскуров из семьи ушёл. И у старшенького, у Пети, теперь нет никаких оснований любить младшего братика. Виктория боится, что Петя с братиком сделает что-то плохое.

– Ты уверен?

– За этот день мне много разных подробностей открылось. Но главное – меня к младшенькому приставили с сегодняшнего дня. И сегодня же здесь появился старшенький.

– Петя?

– Он самый. Приехал, чтобы у отца пожить. На всё лето. И мы с Петей появились здесь одновременно. Вряд ли это просто совпадение. И из-за Пети, как я думаю, Виктория засобиралась в глухомань, под Муром. Она ведь до конца лета там собирается пробыть. Покуда Петя обратно к своей маме не уедет.

Хамза размышлял недолго.

– Хорошо, – кивнул он. – Я свяжусь с Барановым, подгоню его. Что-то долго он там в Муроме обстановку изучает. Пускай Викторию забирает поскорее – так и ей будет спокойнее, и нам. А ты останешься здесь.

Китайгородцев посмотрел на шефа вопросительно.

– То, что ты рассказал мне, Толик – это не проблемы, – произнес Хамза. – Вот у нашего Проскурова – действительно проблемы. Оказывается, за ним по пятам уже много месяцев ходит киллер.

Только теперь стало понятно, почему Хамза был так невнимателен при разговоре.

– Киллер ищет, как подступиться к Проскурову? – уточнил Китайгородцев.

– Ты не понял, Толик. Киллер – он здесь. Он в ближайшем окружении Проскурова. И только ждёт удобного момента, чтобы убить. А мы узнали об этом только что.

* * *

Выводы, к которым пришел Китайгородцев, в тот же вечер подтвердил Алексей Алексеевич. Он заглянул в комнату, где перед сном ужинал малолетний Алексей Сергееч (истошно

вопя и отмахиваясь от ложки с кашей, которой пыталась накормить мальчика невозмутимая няня) и где присутствовал Китайгородцев – и поманил телохранителя, предлагая тому выйти в коридор.

– Я хотел с вами поговорить, – сообщил Алексей Алексеевич, когда они оказались наедине.

Вид у Котелкова был озабоченный. С первого взгляда видно – большие проблемы, он встревожен.

– Так что такое случилось на прогулке? – осведомился Алексей Алексеевич.

Вот оно что.

Китайгородцев коротко поведал об устроенном Петей Проскуровым ралли.

Алексей Алексеевич хмурился.

– Опасность действительно была? – уточнил он.

– Да, – честно ответил Китайгородцев.

– Пётр Сергеевич делал это сознательно?

– Я думаю, что да.

По лицу Алексея Алексеевича пробежала тень.

– Он не любит младшего брата, – сообщил Котелков тоном, каким обычно вынужденно раскрывают неприглядные семейные тайны.

– Я это знаю, – сказал Китайгородцев, чтобы его собеседник не чувствовал излишней неловкости.

– Да? – удивился Алексей Алексеевич и посмотрел на Китайгородцева так, словно только что обнаружил, насколько он недооценивал этого человека.

Китайгородцев промолчал.

– Хорошо, я подумаю над тем, что нам предпринять, – сказал Алексей Алексеевич. – А у меня к вам просьба – не давайте делу ход. Нельзя, чтобы Сергей Алексеевич что-либо об этом узнал. Надо его от этого оградить. В этой семье очень сложные взаимоотношения. Очень!

Он посмотрел в глаза Китайгородцеву, пытаясь определить, все ли правильно тот понял.

* * *

Хамза оставался в проскуровском поместье до поздней ночи, его машина стояла у ворот, и Китайгородцев знал, что шеф всё еще находится здесь.

А во втором часу ночи Хамза пришел к Китайгородцеву. Был он хмур, ещё больше, чем несколько часов назад. Видимо, беседа с Проскуровым не добавила Хамзе ни спокойствия, ни уверенности.

– Все совпадает, Толик, ошибки нет, – сообщил с мрачным видом Хамза.

– Киллер?

– Возможно. Проскуров подтвердил, что знал он такого человека.

– Какого человека?

– Его фамилия Лория. Имя – Роман. Он был компаньоном Проскурова. Не то чтобы они были равноправны. Проскуров – это кит. Большая рыба. А Лория – помельче. У Лории был свой бизнес. И часть этого бизнеса, не самая большая, принадлежала Проскурову. Год или чуть более назад Проскуров и Лория поссорились. И сразу как-то так получилось, что Лория угодил в тюрьму, а его бизнес отошёл Проскурову.

– Он его посадил?

– Никто ведь в таких вещах никогда не признается, – напомнил Хамза.

– А вы как думаете?

– Посадил.

– Чтобы бизнесом завладеть?

– Этого я не знаю. Да причина сейчас и не важна. Важно, что Лория считал Проскурова своим врагом. И желал его смерти. В ходе внутрикамерной разработки Лории было зафиксировано, как он проговорился: Проскуров, мол, не жилец. Его убийца ходит рядом с ним. И Проскурова не станет даже раньше, чем он, Лория, выйдет из тюрьмы. Торопиться с этим Лорией не стали. Только ещё готовили комплекс мероприятий – чтобы прощупать его, чтобы решить, с какого бока к нему подступиться и как лучше информацию скачать. А его тем временем убили. Буквально через неделю. В камере случилась драка, и его кто-то слишком сильно приложил. И теперь у него уже не спросишь, что же такое он имел ввиду.

– И вообще, – не блеф ли это был, – подсказал Китайгородцев.

– Это не блеф, Толик. Поверь мне.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КИТАЙГОРОДЦЕВ:

«Хамза – такой человек, который никогда не скажет всего, что знает. А знает он очень много. И про Лорию этого несчастного, естественно, тоже. Я даже догадываюсь, откуда у Хамзы сведения. У большинства охранных агентств – тесные связи с МВД и ФСБ. В том числе личные контакты. Среди наших сотрудников – много выходцев из этих служб. И всегда есть возможность обратиться к своим бывшим сослуживцам, чтобы получить интересующую информацию. Когда наше охранное агентство "Барбакан" взялось обеспечивать безопасность Проскурова, Хамза, конечно же, принялся качать всю доступную информацию об охраняемом объекте и его окружении. Это всегда делается с тем, чтобы выявить возможные риски и выработать меры по минимализации этих рисков. И вот среди прочего закинутый невод вытащил историю человека по фамилии Лория. Материалы оперативной разработки, зафиксированный внутрикамерным стукачом то ли трёп, то ли проговор Лории, стали для Хамзы сигналом тревоги, и я уверен, что Хамза уже многое успел перепроверить, если он с такой уверенностью говорит о том, что это не блеф и что киллер в действительности существует».

* * *

Утро Алексея Сергеевича Проскурова начиналось с водных процедур в специально построенном для него маленьком бассейне – рядом с большим, двадцатипятиметровым, который предназначался, по-видимому, для его родителей. В присутствии няни и Китайгородцева мальчика плескал в воде худой жилистый мужичок, который еще год назад, как успел узнать Китайгородцев, был одним из тренеров юношеской сборной Российской Федерации по плаванию.

Водные процедуры Алексею Сергеевичу явно нравились и можно было только порадоваться за малыша, которому родители смогли создать такие превосходные условия для развития.

Мама Алеши появилась у кромки большого бассейна в коротком халатике, который она бросила небрежно на стоящий здесь же шезлонг и осталась в умопомрачительном купальном костюме, который не столько скрывал, сколько подчеркивал, и Китайгородцев снова подумал о том, что она действительно была когда-то фотомodelью.

Виктория без разбега нырнула, красиво и почти без всплеска вошла в воду, и долго плыла под водой, прежде чем вынырнула на поверхность. Проплыла до противоположного бортика бассейна, потом вернулась, потом еще раз повторила этот же маршрут, и только после этого по лесенке поднялась на бортик – мокрая, гибкая, сильная.

Взяла со стола загодя приготовленный невидимой прислугой свежавыжатый сок, приблизилась к бассейну, в котором плескался её сын.

– Что-то красное высыпало на лице, – сказала Виктория, всмотревшись. – Оксана Петровна...

Интонация не столько вопросительная, сколько требовательная.

Няня тотчас подтвердила догадку.

– Наверно, съели мы что-то не то, Виктория Александровна.

– Как – не то? Почему – съели? Алеша сам пошёл и взял что-то со стола? – поинтересовалась Виктория и в её словах угадывался сарказм. – Продукты только те, которые рекомендовал диетолог?

– Совершенно верно.

– А откуда покраснение? Передайте Алексею Алексеевичу, чтобы он вызвал аллерголога.

– Сделаю.

– И диетолог пусть приедет, посмотрит, что он там такое понаписал.

– Хорошо, Виктория Александровна.

– Возьмите-ка Алёшу на руки, – сказала Виктория, обращаясь к Китайгородцеву. – Я хочу взглянуть поближе.

Китайгородцев склонился над бассейном, тренер передал ему ребенка, Алеша заплакал, – наверное, ему не понравилось то, насколько неожиданно прервались водные процедуры.

– Да, – сказала Виктория, всмотревшись. – Это аллергия.

Склонилась над малышом. Она оказалась настолько близко от Китайгородцева, что он уловил нежный запах ее тела.

К бассейну вышел Проскуров. Лишь мельком взглянул на жену и сына, сбросил халат на мокрый бортик и нырнул в бассейн, подняв тучи брызг. Это кит, вспомнились Китайгородцеву слова Хамзы, большая рыба. Хотя кит – это не рыба, а млекопитающее, кажется.

Проскуров шумно проплыл вперед-назад, тяжело вылез из бассейна, надел халат. Виктория сделала Китайгородцеву знак рукой, увлекая его за собой, пошла к мужу.

– У мальчика аллергия, – сказала Виктория супругу. – Я вызываю врача.

Проскуров скользнул взглядом по лицу сына.

– Ничего особенного, – оценил он. – Я думаю, не о чем беспокоиться.

В его голосе угадывалось равнодушие. Не чёрствость бесчувственного человека, а способность анализировать и адекватно оценивать обстановку были ему присущи.

– А это охранник, который поедет с нами в Муром, – сообщила Виктория.

Проскуров даже не удостоил телохранителя взглядом.

– Новенький, что ли? – спросил он, ни на кого не глядя.

И получалось, что отвечать предстоит Китайгородцеву.

– Я здесь со вчерашнего дня, – сообщил Китайгородцев.

– Сейчас возмёшь моего сына, – сказал Проскуров. – Старшего. Петра. У него там проблемы какие-то со сверстниками. Обижают. Поедешь и пугнёшь маленько, чтобы неповадно было, потом доложишь мне.

– Это невозможно.

– Что – невозможно? – неприятно удивился Проскуров.

– Я не могу никого пугать. Не имею права.

Проскуров, наконец, сфокусировал свой взгляд на собеседнике. Взгляд был тяжёл и страшен.

– Ты чего такого о себе вообразил? – будто бы изумился недалёкости собеседника Проскуров.

Китайгородцев молчал.

– Сейчас возмёшь мальчишку и поедешь с ним туда, куда он скажет.

Китайгородцев молчал.

– И мне потом доложишь.

Китайгородцев молчал.

И это молчание было его ответом.

– С сегодняшнего дня ты в этом доме не работаешь, – сказал Проскуров, всё окончательно для себя уяснив. – Чтобы я тебя больше здесь не видел. Пошёл вон!

* * *

Проблема была в том, что Китайгородцеву не на чем было уехать в Москву. Приехал он накануне на служебной машине и эта же машина должна была увезти его обратно сегодня – когда закончится его смена – а до конца смены еще оставалось время. И Китайгородцев вызвал из города такси.

Пока он ожидал машину, к нему успел наведаться Алексей Алексеевич.

– Как жаль! – посочувствовал Котелков. – Но наш Сергей Алексеевич не то чтобы не любит, когда ему отказывают, а вовсе не знает, что такое отказ. Просто не представляет себе.

Развёл руками – такие, мол, дела.

Потом пришла Виктория. Она уже успела облачиться в деловой костюм, но чувства под одеждой не спрячешь, и было видно, как она расстроена и взвинчена.

– Не обижайтесь, – попросила она Китайгородцева. – Всё так нелепо получилось.

Это была такая форма извинения. Китайгородцеву нечасто доводилось видеть, чтобы хозяева извинялись перед обслугой, поэтому по достоинству оценил поступок Виктории.

Машина такси прибыла через час. На территорию поместья её не пропустили и она осталась за воротами.

Китайгородцев вышел за ворота. И увидел приближающуюся машину Хамзы. Тот ещё ничего не знал о случившемся. То-то будет сюрприз для шефа.

– Толик, привет! – сказал Хамза. – Ты далеко собрался?

А за спиной Китайгородцева тем временем открывались тяжеленные, похожие на крепостные, ворота. И из тех ворот выезжал черный "Бентли" Проскурова. Китайгородцев постоял. Но "Бентли" не проехал мимо, а притормозил рядом, бесшумно опустилось увлекаемое электроприводом стекло, открывая взорам каменное лицо Проскурова, и Хамза, соблюдая субординацию, поздоровался с работодателем первым:

– Доброе утро, Сергей Алексеевич!

– Доброе, – будто нехотя разлепил свои губы Проскуров.

– А вот это и есть тот самый Китайгородцев, – сообщил Хамза. – Я вам говорил о нём вчера. Он будет за вашу безопасность отвечать...

– Не будет, – прервал его речь Проскуров, ни на кого не глядя.

Закрыв окно, отгородившись непрозрачным снаружи стеклом, и "Бентли" умчался прочь, оставляя Хамзу в состоянии крайней растерянности.

* * *

– Какие у тебя соображения? – как ни в чем не бывало спросил Хамза.

Это он о работе спросил. В одно мгновение переключился. Будто и не докладывал ему только что Китайгородцев об утреннем конфликте с Проскуровым.

– Если киллер действительно существует и он где-то рядом с Проскуровым – мы не знаем, где это "рядом". У Проскурова два места, где он проводит много времени и где есть так называемое "окружение". Это офис, где наверняка работают десятки или сотни людей...

– Около трехсот, – подсказал Хамза.

– И этот дом, где множество обслуги.

– Сто восемь человек.

– Не многовато? – усомнился Китайгородцев.

– Это и те, кто работает у Проскурова постоянно, и те, кто приезжает сюда время от времени – спецы по системам безопасности, по ремонту коммуникаций.

– В общей сложности – почти четыре сотни человек. Где искать, в офисе или здесь, в доме – непонятно. Это раз. Второе. Много времени теряем на проверке. Пока поднимем списки работников, пока выявим тех, кто работает у Проскурова год или около того – это очень долго. Значит, мы рискуем. Поэтому Проскурова надо увозить.

– Эвакуация?

– Да.

– За границу?

– Нет. Там охранять сложнее. Там чужое законодательство, чужая полиция, там мы не гарантируем ему безопасность стопроцентно. А здесь мы сможем изолировать его надежно.

– Где?

– В Муроме.

Хамза задумался. Не ожидал такого поворота в разговоре.

– Разве он туда поедет? – засомневался Хамза.

– Ему надо объяснить. Это ненадолго. Пока мы не прошерстим персонал. Неделя или две. Вроде как отпуск. Лето, всё равно в Москве никого нет, жизнь замерла. А если ему что понадобится – у него есть Интернет, есть факс, да он, в конце концов, может курьеров туда-сюда гонять, вертолет арендует на две недели, и решена проблема. Главное, чтобы в Муром не везти никого из тех, кто его сейчас окружает. Отсечь киллера, если он есть, чёрт бы его побрал. Полностью новое окружение. И даже жену его здесь оставить.

– Но это же она собиралась в Муром, – напомнил Хамза.

– Она в Муром собиралась, чтобы от старшего проскуровского сына быть подальше. А если Проскуров со своим сынулей уедет туда, так Виктории и нечего там делать.

– Да, кстати, о старшем сыне, – будто невзначай вспомнил Хамза. – Ты поезжай с ним, разберись с обидчиками. Сделай всё, как попросил Проскуров. Не нужно нам, чтобы Проскуров сейчас на это отвлекался и сильно нервничал. Надо, чтобы он нам доверял и знал, что мы с ним, а не против него.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КИТАЙГОРОДЦЕВ:

«На курсах телохранителей, где я когда-то учился, один из лекторов, бывший сотрудник КГБ, говорил нам, что с охраняемым лицом отношения должны быть такими, какими бывают отношения с маленькими детьми у взрослых людей: капризы и желания ребёнка вроде бы учитываются, но одновременно взрослый незаметно для ребёнка гнёт свою линию, не мытьём так катаньем добиваясь нужного результата. Наш лектор рассказал нам, как в СССР лечили Суслова, идеолога КПСС, фактически второе лицо в партии, а, значит, и в государстве. Престарелый Суслов пожаловался врачам, что при ходьбе в холодную погоду у него начинает болеть левая рука. Он считал, что причина – в больных сухожилиях. Врачи же установили, что это связано с больным сердцем Суслова, но в силу особенностей человеческого организма боль ощущается не в области сердца, а в руке. Но Суслов слышать ничего не хотел и настаивал на том, что лечить ему надо руку. Тогда врачи, не тратя время на споры, заказали фармацевтам на Западе изготовление нужного Суслову лекарства (естественно, для лечения сердца) не в виде препарата, принимаемого внутрь, а в виде мази, и эту мазь они потом рекомендовали Суслову в качестве средства для лечения его больных сухожилий. Суслов использовал мазь, втирая её в якобы больную руку. Мазь впитывалась в организм и оказывала нужное влияние на сердце и сосуды. Боли прекратились. Суслов потом долго напоминал врачам, что он с самого начала говорил им, что дело было в сухожилиях. Врачи согласно

кивали, признавая, что ошибались. И никто не сказал Суслову правды про чудо-мазь. Ведь цель уже была достигнута. Подход Хамзы к проблеме напомнил мне о той давней истории. Хамза готов был действовать с Проскуровым так, как врачи когда-то обошлись с Сусловым. Потому что у Проскурова проблемы возникли столь серьёзные, что нельзя было растратить драгоценное время на пустяки».

* * *

Для поездки к обидчикам Пети Проскурова Китайгородцев выбрал в хозяйском гараже чёрный огромный "Додж-Дуранго". Машина, которая одним видом многое говорит о своих непростых пассажирах.

Петя сел на переднее сиденье рядом с Китайгородцевым. Он ехал мстить за прошлые обиды, и вид имел соответствующий: хмур и зол, выражение лица крайне неприятное.

– У тебя есть пистолет? – спросил он кровожадно у Китайгородцева.

– Есть.

– Настоящий? Или газовый?

– Настоящий.

Петины глаза загорелись нехорошим огнем.

– Значит, так, – сказал он. – Приезжаем. Выходим из машины. Оба. Я впереди, ты за моей спиной. Я с твоим пистолетом. И мы даем этим уродам оторваться.

Он замолчал. Видимо, его фантазия забуксовала.

– Оторваться – это как? – спросил Китайгородцев. – Что мы с ними будем делать?

Петя замешкался с ответом.

– Стрелять будем, что ли? – уточнил Китайгородцев.

Петя посмотрел на собеседника с сомнением. То есть пострелять этих уродов он был бы рад, да боязно. Да и нереально это – убивать. Это даже Петя понимал.

– А ты приёмчики всякие знаешь? – поинтересовался Петя. – Ну, такие, чтобы мозги по стенке.

– То есть будем убивать? – решил дойти до сути Китайгородцев.

И снова Петя засомневался. Он ехал мстить и жаждал несчастий для своих врагов, но что он будет делать, когда предстанет перед ними, он не знал.

– Смысл в чем? – сказал Китайгородцев. – Смысл в том, чтобы попугать. Правильно?

– Да, – согласился, подумав, Петя.

– А больше всего страшит – что?

– Что? – эхом отозвался Петя.

– Не то, что уже случилось, а то, что может случиться. Ожидание несчастий пугает больше, чем само несчастье.

– Да? – удивился Петя, который никогда о таких вещах, похоже, не задумывался.

– Конечно, – уверенно сказал Китайгородцев.

Петины обидчики обычно проводили время на захламленном пятачке территории, примыкающей к Дмитровскому шоссе в районе метро "Владыкино". Здесь они из досок и картона соорудили подобие сарая, где пили пиво, неумело мешая его с водкой, и пробовали курить свою первую в жизни травку. У Пети с ними общих дел не было, если не считать того, что эти ребята время от времени Петю поколачивали и отнимали у него деньги.

Петя показал Китайгородцеву дорогу, их "Додж" пробрался меж выкрашенными грязноватой краской заборами, выехал на пустырь, и Китайгородцев увидел прилепившийся к глухой кирпичной стене хлипкий сарай.

К сараю Китайгородцев подъехал вплотную, останавливать машину не стал, а только сбросил скорость, осторожно уперся мощным бампером в стену сарая, непрочная конструк-

ция захрустела и закрипела, гнилые доски рассыпались, и из этого призрачной надежности укрытия сыпанула перепуганная пацанва.

Китайгородцев вышел из машины. Полдюжины подростков обездвжили и смотрели на него со страхом. Пиво, травка и взрослая жизнь как-то быстро ими позабылись, и они снова превратились в робеющую перед взрослыми ребятню.

– Привет, – сказал им Китайгородцев. – Чей гадюшник?

Никто не осмелился ему ответить.

– Кто строил? Кто хозяин? – продолжал вопрошать Китайгородцев.

Молчание в ответ.

– Значит, не перед кем извиняться, – определился Китайгородцев, – А то я немножко зацепил вот здесь. Так что – претензий никто не выдвигает?

И тут из "Доджа" Петя появился. Вышел из машины, хлопнул эффектно дверцей, и встал рядом с Китайгородцевым, старательно Китайгородцева копируя: ноги по-хозяйски широко расставлены, руки в карманах джинсов. Его появление произвело на подростков огромное впечатление. Никак они прежде не могли бы связать не раз ими битого Петюню с этим крутым дядькой на дороге в внедорожнике. А Петя прошёлся вдоль строя вмиг обмерших сверстников и остановился перед одним из них. Тот пацан отчего-то сразу изменился в лице. Побледнел даже. Наверное, он ждал удара. Китайгородцев тоже ждал и готов был в любую секунду вмешаться. Но удара не последовало. Петя развернулся и пошел к машине.

– Поехали! – повелительно бросил он Китайгородцеву.

Китайгородцев послушно сел за руль. Развернул машину. Подростки провожали их взглядами, где смешались изумление и почтительность.

– Йес! – удовлетворённо сказал Петя.

Похоже, что трудно было сейчас сыскать на земле человека более счастливого, чем он.

– Вот видишь, – сказал Китайгородцев. – Всё получилось. И хорошо, что ты бить его не стал.

– Я его пожалел.

– Ты не пожалел его. Ты побоялся, – спокойно сказал Китайгородцев.

И Петино лицо залилось краской.

– Но он этого даже не заметил, – с прежним спокойствием продолжал Китайгородцев, демонстративно не замечая состояния собеседника. – Потому что он сам сильно испугался. И он вот этот свой страх запомнит навсегда. Запомнит то, как испугался. И это гораздо лучше, чем, если бы ты просто его ударил.

* * *

Китайгородцев загнал "Додж" на кручу у Воробьевых гор, куда и пешком не каждый захочет взобраться. Отсюда был виден изгиб петли Москва-реки и стадионная чаша в Лужниках. И вокруг – ни одной живой души.

– Клёвое место, – оценил Петя. – Здесь никто не найдёт. Да?

– Да, – подтвердил Китайгородцев.

– Клёво, когда никого нет. Когда ты сам.

– Не всегда так, – не согласился Китайгородцев. – Я где-то вычитал фразу: "Одиночество – прекрасная вещь, но обязательно нужно, чтобы рядом был ещё кто-то, кому ты мог бы рассказать о том, что одиночество – это прекрасная вещь".

Петя хлопал глазами. Не понял. Для него все это было слишком сложным.

– Я тебе сейчас объясню, – сказал Китайгородцев. – Ты говоришь, что одиночество – это хорошо. Тебе бы хотелось, чтобы ты сейчас был один? Чтобы меня здесь не было?

– Н-нет, – не очень уверенно ответил подросток.

- А два часа назад там, на пустыре у "Владыкино", ты хотел бы оказаться без меня?
- Нет, – замотал головой Петя и засмеялся, представив себя перед полудюжиной своих врагов без спасительного присутствия Китайгородцева у него за спиной.
- Бывают ситуации, когда одиночество – это не так уж хорошо, – сказал Китайгородцев.
- Я знаю.
- На своём опыте?
- На своём. На мамином. Она у меня одна, – сказал Петя, на глазах мрачняя.
- Наверное, он имел ввиду, что отец бросил его мать. Но Китайгородцев дипломатично всё переиначил.
- У твоей мамы есть ты. А это значит, что она не одна, – подсказал он.
- Сбросил пиджак. Обнажилась кобура.
- Дай мне пистолет, – попросил Петя.
- Китайгородцев извлек из пистолета обойму, проверил, нет ли в стволе патрона, и только после этого передал оружие мальчишке. Петя разглядывал пистолет с замороженным видом. Потом взводил курок, нажимал на спусковой крючок, слышался щелчок. В очередной раз пере-дёрнул затвор, потом вдруг приставил пистолет к виску, нажал на спусковой крючок.
- Зачем? – вырвалось у Китайгородцева.
- Самоубийство, – пожал плечами Петя. – Прикольно.

* * *

С сотрудниками проскуровского офиса должны были разбираться другие люди, а вот сто восемь человек обслуживающего персонала в доме на Рублево-Успенском шоссе достались Китайгородцеву. Хамза определил ему место в доме охраны, где Китайгородцеву выделили отдельную комнату, сюда же привезли файлы с информацией, всё, чем поделился департамент кадров проскуровской фирмы плюс то, что раздобыл по своим каналам Хамза. Здесь, на территории поместья, все люди были под рукой, да и вездесущий Алексей Алексеевич мог по любому из работников подсказать всё, что потребуется, о чём Хамза предусмотрительно договорился с Проскуровым.

– Ты, главное, на глаза Проскурову не попадайся, – посоветовал Китайгородцеву Хамза. – А там оно само собой как-нибудь рассосётся.

По причине дефицита времени Китайгородцев начал с изучения файлов тех работников, которые появились в окружении Проскурова год или около того назад. К его удивлению, таких оказалось немного – всего пятеро из ста восьми человек. Четверо мужчин и одна женщина. Все четверо мужчин были в возрасте до тридцати лет. Это Китайгородцеву сразу не понравилось.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КИТАЙГОРОДЦЕВ:

«Скадовский Юрий Германович... Восьмидесятого года рождения... Город Тюмень... Образование среднее... Холост... Не привлекался... Служил в армии... Войска какие? Войска внутренние... Где служил? Подмосковье... Посмотреть, что есть на Скадовского у Хамзы... Так, Скадовский... Тюмень... Среднее... Холост... Внутренние войска... Водитель... А у Проскурова работает электриком... Да, это тот парень, который розетки заглушками закрывал, я его видел... Был водитель, стал электрик. Допустим... А это что? Оружие на Юрия Германовича Скадовского зарегистрировано... Карабин "Сайга"... В Тюмени оружие хранится, если судить по бумагам... Внутренние войска, карабин... А работает электриком... А как он вообще к Проскурову попал? Как простой парень из Тюмени в одночасье переместился в элитный дом на Рублевке?... Вот он работает в Тюмени... И тоже водителем, между про-

чим, а никаким не электриком... Четвертого апреля он увольняется, а уже шестнадцатого принят на работу в дом Проскурова... Электриком... Хорош электрик... С карабином...»

* * *

Вечером Китайгородцеву позвонил Алексей Алексеевич, пригласил в свой кабинет, сказав, что дело неотложное.

В том кабинете Китайгородцева дожидалась Виктория. Коротенькая юбка и топик – фигура у нее чудо как хороша.

– Почему вы нас оставили? – спросила Виктория, и в её голосе не было ни сухости, ни раздражения хозяйки, а лишь участливость не чужого собеседнику человека. – За Алёшей надо бы присматривать.

Китайгородцев знал, что нельзя говорить о новом задании, которое ему дали, и нельзя ссылаться на Хамзу.

– Вы ведь знаете о распоряжении вашего супруга, – сказал Китайгородцев. – Он вообще хотел удалить меня из дома. Но я не ушёл. Я пересижу тихонько смутные времена и вернусь, я обещаю.

Он обращал всё в шутку и даже улыбнулся. Виктория купилась на этот дешёвый трюк и тоже улыбнулась в ответ. Только Алексей Алексеевич сидел в своём кресле с непроницаемым выражением лица, и вид имел такой неприметный, будто его здесь и не было.

– Хорошо, я поговорю с мужем, – сказала Виктория.

Китайгородцев дипломатично промолчал.

Виктория поднялась из кресла. Алексей Алексеевич тут же вскочил, словно под ним сработала мощная пружина. Он провожал Викторию до выхода из кабинета и лично распахнул перед нею дверь.

– Там розетки закрыли, – вдруг вспомнила Виктория и остановилась в дверях. – Ну, такими штучками пластмассовыми. Вы видели?

– Да, – ответил Китайгородцев.

– Они такие, как нужно? Правильные штучки?

– Правильные, – улыбнулся Китайгородцев. – Электрик всё сделал, как следует. Скажите, а вы сами людей для работ по дому набираете? Или кто-то это делает за вас?

– По-разному бывает. Иногда обращаемся в агентство, иногда берём по рекомендации знакомых. А почему вы спрашиваете?

– Я скажу, только вы не говорите об этом, пожалуйста.

– Кому не говорить? Мужу?

– Нет, этому человеку. Электрику. Он каким-то таким чудесным образом к вам попал. Переместился из далёкой Тюмени прямо в ваш дом. И ему на такой карьерный взлет понадобилось меньше двух недель.

– А что тут странного? – не понимала Виктория.

– За неполные две недели работу подыскать, проверки все пройти, к вам ведь без проверки не берут...

– Может, он специалист хороший?

– Он до того электриком не работал. Он был водителем.

Виктория озадаченно посмотрела на Китайгородцева. Но поскольку задачка оказалась для нее неразрешимой, а потому неинтересной, она махнула рукой:

– Я не знаю. Этим занимаются специальные люди, вот хоть Алексей Алексеевич, через него, по-моему, все проходят, кто к нам на работу попадает.

Котелков с готовностью кивнул.

Виктория ушла.

– Удивительное дело, – сказал Китайгородцев. – Из ста восьми человек, которые заняты в доме, только пятеро новеньких, тех, кто принят за последний год. А остальные здесь работают давно, уже считай что ветераны.

– Ничего удивительного, – пожал плечами Котелков. – Сергей Алексеевич неохотно расстаётся с людьми. Уж если кто попал к нему в обойму – держать возле себя будет до последнего, покуда человек совсем не дискредитирует себя.

– Он так любит людей?

– Скорее, это синдром собственника, – нешироко улыбнулся Алексей Алексеевич. – Он ведь настоящий хозяин. А такой человек никогда ничего не выпускает из своих рук. И никого, – добавил Котелков и снова улыбнулся. – Я, например, рядом с ним со времен института. Учились вместе. В одной группе. Потом он на завод попал работать, быстро стал начальником цеха, меня взял к себе. Потом бизнесом занялся и снова я ему пригодился. Он держит людей возле себя. Стараются не отпускать.

– Я вас еще про электрика хотел спросить, – вернулся к интересующей его теме Китайгородцев.

– У вас глаз – алмаз, – сказал Алексей Алексеевич и уже в третий раз за короткое время улыбнулся, что было крайне необычно для этого всегда занятого и озабоченного человека. – Видите ли, в чём дело... Я, извиняюсь, вашего имени-отчества не помню...

– Меня зову Анатолий.

– А отчество?

– Можно без отчества.

– К такому человеку обращаться можно только по отчеству, – не согласился Котелков. – Потому что специалист. Профессионал. Так что – только уважительно.

– Иванович я.

– Так вот, Анатолий Иванович, всё очень правильно вы с Юрой Скадовским поняли. Легко и быстро он к нам на работу попал. Потому что родственник он мне. Племянник. Сын моей родной сестры.

И Котелков развёл руками. Что хотите, мол, со мной делайте, а я никак не мог устоять в тот раз, очень уж хотелось родственнику порадовать.

– У меня вопросов больше нет, – улыбнулся Китайгородцев.

Скадовский отпадает.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КИТАЙГОРОДЦЕВ:

«Тесадзе Реваз Шалвович... Семьдесят восьмого года рождения... Тбилиси... Среднее образование... Холост... Не привлекался... Служил в армии... В Грузии... А что там было? Война была? В каком году?.. Надо выяснить... Он там настрелялся, может быть... Руку набил... А чего он в Москве делает?.. Как тут оказался?.. Посмотреть в файлах у Хамзы, у Хамзы много всего интересного... В Москве Тесадзе с двухтысячного года... Работает в фирме "Вектор Плюс"... И ни разу место работы не поменял... Так ему работа нравится... Или ему другое что-то нравится?.. Так, а что это за "Вектор Плюс" такой... Фирма... Возведение кровель... Зарегистрирована... Лицензия... Генеральный директор Тесадзе... И у нас Тесадзе... Так они родственники?.. Тесадзе Шалва... Он отец... А этот – сын... И тут по-родственному... А что мне тут не нравится?.. Ведь не нравится же... Жирную галочку напротив фамилии Тесадзе поставить и – думать!.. Ведь он меня напрягает, этот Тесадзе... Что-то в нём настораживающее... Воевал... В Грузии... Не только это... В Грузии... Грузия... Грузин... А про киллера кто обмолвился? Лория! Лория – это грузинская фамилия? Очень похоже! Лория, Берия... Какой-нибудь мингрел или что-то в этом роде... Но – из Грузии!.. Вот что напрягло! Проскуров упёк Лорию в тюрьму. Отнял бизнес. И после этого Реваз Тесадзе пришел

работать к Проскурову... Или папа его туда направил?... Шалва Тесадзе... Фирма "Вектор Плюс"... Жирная галочка... Надо проверять...»

* * *

Ночью, когда Китайгородцев сидел за компьютером, ему почудилось, будто кто-то постучал в окно. Погасил экран компьютера. Замер. Вслушался.

Действительно, стук. Осторожный и едва различимый.

Китайгородцев приблизился к окну, выглянул. В свете близкого фонаря – силуэт тщедушного человечка. Китайгородцев распахнул окно.

– Петя?

– Ага. К тебе можно?

– Давай.

Китайгородцев протянул руку, мальчишка ухватился за неё, перемахнул через подоконник.

– Слышал новость? – спросил подросток. – Отца хотят убить!

– Да ну?! – вполне правдоподобно изобразил удивление Китайгородцев. – Кто?

– Какие-то козлы.

– Это он тебе сказал?

– Нет, он сказал этой...

Скривился, будто его при одном только упоминании корёжило. Значит, о Виктории шла речь. Такая уж у мальчишки к ней нелюбовь.

– Я подслушивал, – легко признался Петя.

– Подслушивать нехорошо, – дежурно исполнил свой долг взрослого Китайгородцев.

– Я знаю. И всё равно подслушиваю. А ты?

– И я подслушиваю.

– Правда?! – изумился Петя такой откровенности. – А почему?

– Мне интересно.

– И мне, – засмеялся Петя, вдруг обнаруживший, сколь много общего у них с собеседником. – А ты прикольный.

Китайгородцев молча пожал плечами в ответ. Уж какой, мол, уродился, так что ты, брат, извиняй.

– Мне, допустим, моя мать тоже может сказать, что нехорошо подслушивать. И сама она типа не подслушивает никогда. А получается враньё.

– Ну, может быть, она правду говорит, – предположил Китайгородцев.

– Ха! – как смог, изобразил сарказм подросток. – Врёт! Всегда! На каждом шагу! Вот есть какой-то дядя, с которым она встречается, я ей говорю – ну ладно, ну есть он, ну и, пожалуйста. А она говорит – нет никого. Враньё!

Было видно, как переживает по этому поводу.

– Так что ты там про покушение подслушал? – перевёл разговор на другую тему Китайгородцев.

– Отец сказал этой, что он уедет скоро, потому что тут опасно. И я уеду с ним.

– Далеко?

– Город Муром. Там у нас дача. Там классно. Я там был. Я там жил. Ну, раньше ещё, в смысле, – помрачнел мальчишка.

Вспомнилась прежняя жизнь, когда они были вместе, и мать его жила с его отцом.

– Как думаешь, его и вправду могут убить? – спросил Петя.

– У него охрана, – ответил неопределенно Китайгородцев. – Телохранители.

– Думаешь, смогут помочь?

- Люди специально учились. Много чего умеют, – сказал Китайгородцев.
- А прикольно было бы увидеть.
- Что?
- Покушение.
- Это страшно.
- А ты видел?
- Да.
- Расскажи!
- Ты стреляешь, в тебя стреляют – ничего интересного. Это только в кино смотрится красиво.
- Да, – сказал Петя. – В кино всегда клёво. Эти такие нападают, а телохранители – бах! бах! бах! Мочат всех без разбора. Чтобы мозги по стенке. Было такое, чтобы ты кого-то убил?
- Да.
- Расскажи!
- Нет, этого я тебе рассказывать не буду.
- Ну, пожалуйста!
- Нет!

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КИТАЙГОРОДЦЕВ:

«Шаров Геннадий Алексеевич... Одна тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения... Город Оренбург... Образование среднее... Холост... Не привлекался... Армия... ВДВ... Воздушно-десантные войска... Голову даю на отсечение – побывал в Чечне... Это надо посмотреть в файлах у Хамзы, там обязательно будет... Да, Чечня... Две командировки по два месяца... Итого четыре месяца стресса... А год назад его взяли на работу к Проскурову, в охрану... Я его видел, этот парень стоит на воротах... Открыл ворота, закрыл, машина въехала, машина выехала... И это он ключницей Агафьей согласился стоять на воротах после своего десантного прошлого?... А кем он работал?... Охранник... На рынке... Но как к Проскурову попал?... Узнать... Зарегистрирован автомобиль БМВ... Девяносто пятый год... Это выпущен в девяносто пятом, а Шаров приобрел его в две тысячи втором... В мае месяце... Весной и в начале лета многие автомобили покупают... Начало сезона... А оружие у него есть? Смотрим... Оружия гражданин Шаров не приобретал и на себя не регистрировал... Так, водительское удостоверение... Номер... Серия... Выдано... В городе Оренбурге... Все правильно, по месту прописки... Прописан он до сих пор в Оренбурге... Стоп!.. Выдано в сентябре две тысячи второго... А машину он купил в мае... Обзавёлся машиной и только через четыре месяца получил права... Так бывает?... Так бывает... Но что-то странное тут есть...

* * *

Утром Китайгородцева вызвали к Проскурову. Алексей Алексеевич лично сопровождал Китайгородцева до кабинета своего хозяина, выглядел он при этом крайне озабоченным и непрерывно вздыхал.

- Не в духе! – сразу предупредил он своего спутника.
- Так что, мол, держись, тут я тебе ничем помочь не смогу.
- Я вас вот о чём хотел спросить, – сказал Китайгородцев. – У вас работает Реваз Тесадзе.
- Да, грузинчик, по крышам лазает, протечки устраняет.
- А Шалва Тесадзе, директор фирмы "Вектор Плюс" – он этому грузинчику кто?
- Отец! – с готовностью доложил Котелков.
- Они из Грузии?

- Да. Но отец давно в Москве живет, еще с начала девяностых.
- А Лория – он тоже был грузин?
- Кто? – будто опешил Алексей Алексеевич и даже вроде бы споткнулся.
- Лория, – спокойно ответил Китайгородцев. – Знали вы такого?
- Я-то знал. Но меня удивляет, что вы знаете.

Алексей Алексеевич смотрел на Китайгородцева, будто ждал, что тот ему объяснит, как такое может быть. Китайгородцев молчал.

- Лория – он родственник Тесадзе, – сообщил Котелков.
- Да ну! – вырвалось у Китайгородцева.

– Именно, – подтвердил собеседник. – Он очень дальний родственник, седьмая вода на киселе, у нас в России таких родственников знать не знают, но грузины – это другое дело. Они друг за друга держатся, знают, кто кому сват, кто брат, и друг другу помогают. Лория был компаньоном Сергея Алексеевича. И когда Проскуров стал строить этот дом, Лория привел своего родственника, Тесадзе, сказал, что тот крыши хорошие делает, что его фирма половину коттеджей под Москвой крышами накрыла. Дал, в общем, заработать родственнику.

- А Проскуров знает?
- О чём?
- О том, что Тесадзе и Лория – родственники.
- Конечно!
- И его это нисколько не тревожит?
- Что именно?

– Он ведь Лорию, родственника этих Тесадзе, фактически посадил. Не боится, что будут мстить ему?

– Ну, что вы, – с необыкновенной беспечностью сказал на это Котелков. – Шалва Тесадзе как раз и помогал этого Лорию сажать.

- Неужели?! – вырвалось у Китайгородцева.

– Так и было, – с прежним спокойствием кивнул Алексей Алексеевич. – Тесадзе поссорился с Лорией. Прямо врагами стали. А тут как раз и у Сергея Алексеевича с Лорией вышел конфликт. И Тесадзе этот на своего родственника показания давал.

Значит, Реваза Тесадзе из числа подозреваемых можно исключить. Почти наверняка личной неприязни к Проскурову у него нет и быть не может.

* * *

В кабинете Сергея Алексеевича Проскурова Китайгородцев оказался впервые. Много дорогого дерева, картины на стенах, наверняка они куплены на аукционах за большие деньги, хотя на взгляд несведущего человека – мазня мазнёй, ничего особенного. И вещицы по кабинету тут и там разбросаны: закладка для книг из желтого металла (почти наверняка золото), в очень похожем исполнении нож для разрезания книжных страниц, на столе лежат наручные часы, какие Китайгородцеву доводилось видеть только у людей по-настоящему богатых, да в журналах, которые эти богатые читают (стоимость часов, наверное, под сто тысяч евро). Ну и много другой всякой всячины – почти любую из таких вещей многие могут себе позволить купить, пускай даже поднапрягшись (квартиру, например, продав), но собрать всё это в одном месте и пользоваться с небрежностью и даже не задумываться о стоимости этих вещей способны единицы.

В кабинете, кроме Проскурова, была еще Виктория. Она выглядела расстроенной и не могла этого скрыть. Проскуров с Китайгородцевым не поздоровался и сесть не предложил. А сам сидел, откинувшись на спинку кресла, нижнюю его половину скрывал массивный стол,

отчего Проскуров казался бюстом самому себе, и Китайгородцев с порога догадался, что будет выволочка.

– Что с Петром – ездили? – осведомился Проскуров, не удостоив взглядом собеседника.

– Да.

– Это было первое мое поручение, – сказал Проскуров. – А второе?

Китайгородцев молчал, поскольку никакого второго поручения, кажется, не было.

– Я велел доложить, – напомнил Проскуров. – Ты доложил?

Вот какой повод он выбрал для того, чтобы Китайгородцева физиономией по столу поводить.

– Так точно, – сказал Китайгородцев. – Доложил.

– Кому? – удивился наглому вранью собеседника Проскуров.

– Своему шефу, Хамзе Роману Александровичу.

– А мне?

– А вам он должен был доложить. У нас субординация. Как в армии. Вся информация передаётся по команде.

Китайгородцев валял Ваньку, а лицо оставалось серьёзным, как у ретивого служаки. Но Проскуров все понял.

– Пшёл вон! – сказал он с хмурым видом.

Китайгородцев щёлкнул каблуками. Выглядело это как издёвка. Даже Виктория поняла.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КИТАЙГОРОДЦЕВ:

Ярыгин Дмитрий Игоревич... Одна тысяча девятьсот семьдесят седьмой год... Город Москва... Образование незаконченное высшее... Учился... МГТУ имени Баумана... Один семестр... Отчислен... Причина отчисления?.. Надо узнавать... Холост... Они все холостяки, эти новенькие... Не привлекался... В армии служил... Сразу после отчисления из вуза... Под Питером, части ПВО... После армии... Место работы... Валютная биржа... Потом "Лукойл"... Он системный администратор... Компьютерищик... И у Проскурова он по компьютерам... Здесь в доме много компьютеров?.. Ну, конечно... Здесь не дом, а целое предприятие... Много всякой техники... И всё управляется компьютерами... Система охраны... Система связи... Система теплоснабжения... Система водоснабжения... Даже продукты покупают, наверное, по подсказке компьютера, а иначе поди разберись, чего и сколько потребуются на такую ораву работающих и проживающих... Валютная биржа и "Лукойл"... И везде он работал подолгу, по несколько лет... А там ведь проверяют хорошо, там в службах безопасности профессионалы... И ничего компрометирующего они по этому Диме Ярыгину не накопили... Это хорошо, это хоть какая-то гарантия... Но почему он был отчислен после первого семестра?.. Может, ему не до учёбы было?.. Заигрался со своими компьютерами?.. У них, у компьютерщиков, это сплошь и рядом... Они все не от мира сего, эти компьютерщики...»

* * *

Антон Баранов приехал из Муромы загоревшим, посвежевшим и упитанным, будто на хорошем курорте побывал. Во взгляде безмятежность, а в повадках – неспешность человека, который уже отвык куда-либо спешить и по какому-либо поводу излишне волноваться.

– Мы вас там заждались, – объявил Баранов Китайгородцеву, едва того увидев.

Радужный хозяин, заждавшийся дорогих гостей.

– Там так здорово, Толик, ты представить себе не можешь. Простор, тишина, воздух такой, что его надо в банки закатывать и в городах задымленных продавать, – рассказывал

Баранов, а сам тем временем доставал и доставал из портфеля какие-то бумаги. – Там ещё надо, конечно, повозиться-поработать, я вот отметил, что предстоит сделать...

И выложил на стол перед Китайгородцевым свои бумаги.

Листов было много. Длинный перечень того, что предстоит сделать сотрудникам охранного агентства, прежде чем на объекте появятся охраняемые лица. Китайгородцев в бумаги не заглянул. И даже сдвинул эти бумаги на край стола. Будто они ему были без надобности.

– Всё меняется, Антон, – сказал Китайгородцев. – В Муром поедет не Виктория, а сам Проскуров. А Виктория остаётся здесь. Так что перечень мероприятий придется перерабатывать – под Проскурова.

– Это я с удовольствием, – широко улыбнулся Баранов.

Обрадовался возможности возвратиться в полюбившийся ему Муром.

Китайгородцеву не хотелось его разочаровывать.

– Поговори с Хамзой, – только и сказал он.

– О чём? – с прежней безмятежностью осведомился Баранов.

– Возможно, в Муром он кого-то другого пошлёт.

– Почему? – вырвалось у Антона.

И улыбаться перестал.

– Ты, наверное, будешь хозяйку опекать. Викторию. И её сына, Алешу Проскурова. А они остаются здесь. Так что Хамза, наверное, в Москве тебя оставит.

– А ты? Ведь ты тоже с Викторией...

– Нет, я с Проскуровым. У него, похоже, большие проблемы.

* * *

– Ты едешь с нами в Муром? – спросил Петя у Китайгородцева.

Значит, уже знает об эвакуации.

– Да, – ответил Китайгородцев.

– Клёво, – оценил Петя. – Ты будешь там нас охранять?

– Да.

– Йес! – сказал подбравший взглядом Петя. – Хочешь, я с отцом договорюсь, чтобы ты лично меня охранял?

– А у тебя в Муроме есть враги?

– Ну, какие там враги? – пожал плечами мальчишка. – Там до ближайшей деревни десять километров, нет никого вокруг.

– Тогда я смогу не только тебя охранять, а и всех, кто там будет, раз работы мало.

– Как хочешь. Слушай, а ты не знаешь, что такое асфиксия?

– Знаю. Это кислородное голодание. Кислород перестает в легкие человека поступать и человек задыхается.

– Фу! – сказал Петя. – Какая мерзость.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КИТАЙГОРОДЦЕВ:

«Ляшенко Оксана Петровна... Одна тысяча девятьсот пятьдесят шестого года рождения... Город Донецк... Образование высшее... Филфак университета... Ещё одно высшее образование... Факультет иностранных языков... Преподаватель в школе... Всю жизнь – в одной школе... Замужем... Муж... директор школы... Школа другая, не та, в которой работала Оксана Петровна... Две дочери... восьмидесятого и восемьдесят второго года рождения... А в восемьдесят шестом она получила второе высшее образование... При двух малолетних дочках... Целеустремлённая и трудолюбивая... Уже есть внук... У старшей дочери

родился мальчишка... И большие информации по Оксане Ляшенко практически нет... Ничего кроме того, что она сама о себе сообщила при поступлении на работу к Проскурову... И у Хамзы на неё ничего нет... Абсолютно... Потому что дама эта с Украины, и Хамзе неоткуда информацию взять... Значит, надо срочно отправить человека на Украину... Пускай потопчется там, разузнает... Если всё это подтвердится... Два высших образования, муж – директор школы, дочери и внук... Тогда к этой няне никаких вопросов... Если подтвердится... Не с её биографией в киллеры наниматься... Растила дочек, работала, старалась... Второе высшее образование получила... Действительно, старалась... Но знания оказались невостребованны... Зарплата низкая, а у неё две дочери и внук... И для неё работа у Проскурова – находка... Она держаться будет за это место и работать на совесть... Руки не опустит... Целеустремлённая... На рожон не полезет... И в петлю не полезет... В петлю не полезет... Не полезет в петлю... Асфиксия... возникает при удушении... не поступает кислород... Петя спросил про асфиксию... А ещё раньше он сказал, что самоубийство – это прикольно!..»

* * *

Поговорить об этом можно было только с Алексеем Алексеевичем. Китайгородцев мысленно перебрал всех, кто мог бы ему помочь, и обнаружил, что Котелков – единственный, к кому он может обратиться.

Когда Китайгородцев вошёл в кабинет, где находился Алексей Алексеевич, тот тотчас поднялся из-за стола и поспешил навстречу гостю. Алексей Алексеевич с недавних пор проникся уважением к Китайгородцеву и нисколько этого не скрывал.

- Я про Петю хотел поговорить, – сообщил Китайгородцев.
- Опять чего-то отчебучил? – нисколько не удивился Алексей Алексеевич.
- Нет, нормально всё, – пожал плечами Китайгородцев. – Вы давно его знаете?
- С самого рождения.
- Что за ребёнок? Проблемы у родителей с ним были?
- Как у всех родителей.
- Не больше?
- Но и не меньше, – в тон собеседнику произнес Котелков и улыбнулся. – Он раньше, кстати, был помягче. Когда родители жили вместе.
- Еще совсем недавно.
- Он тяжело пережил развод?
- Он его и сейчас еще переживает, – сообщил Алексей Алексеевич.
- Он ведь с матерью живёт?
- Да.
- Вы не знаете, насколько у них с матерью доверительные отношения?
- Похоже, что о доверительности там речи нет.
- Может быть, тогда с отцом?
- Увы! – развёл руками Котелков. – По-видимому, у мальчика переходный возраст. Сложное время. Родители – уже не авторитет. А почему вы так заинтересовались?
- Мне кажется, что у мальчишки сейчас какой-то хаос в голове. И мысли всякие глупые к нему приходят.

Алексей Алексеевич кивнул, давая понять, что полностью согласен.

– Например, мысли о самоубийстве, – сказал Китайгородцев.

И у Котелкова вытянулось лицо. Он изумился так, что не сумел совладать с эмоциями.

– Отчего же? – сказал Алексей Алексеевич. – Почему вы так решили?

А сам шарил руками по столу, словно был слепой.

Китайгородцев пожал в ответ плечами.

Алексей Алексеевич нащупал, наконец, что-то, и протянул Китайгородцеву.

Книга.

– Вот, взгляните, – пробормотал он, и вид при этом имел такой, будто находился под впечатлением только что ему продемонстрированного удивительного фокуса.

Китайгородцев увидел название книги. "Самоубийства: их история, способы осуществления и вообще всё, что вы хотели об этом знать".

– Это что? – в свою очередь опешил Китайгородцев.

– Это книга, – ответил мрачно Котелков. – Ее прислали на этот адрес, но на имя Пети Проскурова. Как раз сегодня.

– Кто прислал?

– Какой-то магазин, продающий книги через Интернет.

– Петя заказал себе такую книгу?

– Вполне возможно. По крайней мере, книга уже оплачена – кредитной картой, которой пользуется Петя.

– Вы уверены?

– Эту карту Сергей Алексеевич специально сделал для Петра – к его приезду в этот дом.

– И что вы собираетесь делать с книгой?

– Пока ничего. Вся почта, которая приходит на этот адрес, проходит через мои руки. Я получил книгу. Я удивился. И я не знаю, что мне делать. Пете я, по крайней мере, ничего пока не сказал.

– Правильно сделали, – оценил Китайгородцев. – Пускай пока потомится в ожидании этой книги.

* * *

Хамза приехал утром и сразу прошёл к Китайгородцеву.

– Толик! Ты просил Шарова проверить. Охранника, что на воротах.

– Да. Он права получил позже, чем купил машину, – вспомнил Китайгородцев.

– Так вот лажа сплошная там с правами и с Шаровым этим тоже. Псих он.

– Что?

– Псих, – повторил Хамза. – На учете в психоневрологическом диспансере стоит в своём родном Оренбурге. Не зря ты к его правам прицепился. Он машину по случаю купил, а прав не было. И права решил купить. Ему бы права сделали, да там нужна медицинская справка, а справку не дали из-за того, что для ее получения нужна другая...

– Из диспансера.

– Именно! А он там на учёте! И всё затормозилось. Пока он нашёл врача, который согласился ему справку дать, пока ему потом сделали права – время шло.

– Диагноз у него серьёзный?

– Диагноз серьёзный, – кивнул Хамза. – Его надо от Проскурова убирать. Сейчас пойдём к этому завхозу, который за всё тут у Проскурова отвечает...

– Надо прямо к Проскурову идти, – подсказал Китайгородцев. – Он никого так просто от себя не отпускает. Без его решения никого ни переместят, ни уволят.

* * *

Проскуров плескался в бассейне и не прервал своего занятия, когда на бортике появились Китайгородцев и Хамза.

Бирюзовая гладь манила, и Китайгородцев поймал себя на мысли о том, что с удовольствием покувыркался бы в этой ласковой воде. Да, хорошо было Баранову в Муроме, вдруг подумалось ему. Река. Раздолье. И никакого начальства рядом. Курорт.

– Баранов привез предложения по Мурому, – сказал вполголоса Китайгородцев.

– Я видел, – кивнул Хамза. – Сорок семь страниц. И всё теперь коту под хвост.

– Почему же всё? – пожал плечами Китайгородцев. – Там многое пригодится, даже если вместо Виктории поедет Проскуров. Но кое-что менять придется, безусловно. Кто будет этим заниматься?

– Баранов.

– Да? – удивился Китайгородцев.

– Просится, – сказал Хамза с невозмутимым видом.

– Но он же будет по Виктории работать.

– Будет, – кивнул Хамза. – Отработает в Муроме, а потом вернётся сюда.

Проскуров вынырнул из-под воды близко к бортику, поднялся по лесенке, закутался в халат.

– Доброе утро, Сергей Алексеевич, – поприветствовал его Хамза с той сдержанной почти-тельностью, какая присуща людям рангом ниже, чем имеет собеседник.

Проскуров молча кивнул в ответ.

– Срочная информация, – сообщил Хамза и с готовностью распахнул свою папочку. – Я займу всего пару минут вашего времени.

Он действительно очень сжато, но вполне информативно поведал собеседнику о подозрительном охраннике. К его удивлению, Проскуров отреагировал совсем не так, как ожидал Хамза.

– Ну и что? – спросил Проскуров.

Стоило ли, мол, меня беспокоить по таким пустякам.

– Его надо убирать, – сделал неверный шаг Хамза, хотя он и не знал, что сейчас совершает ошибку.

А Китайгородцев знал. Потому что Алексей Алексеевич Котелков рассказывал ему, как держит людей рядом с собой Проскуров и как неохотно с ними расстаётся.

– Как это – убирать? – хмурился Проскуров.

– Уволить! – совершил следующую ошибку Хамза. – Он опасен. У него серьёзное заблуждение. От него чего угодно можно ждать.

– Опасен – для кого?

– Для вас, Сергей Алексеевич.

– Чем он может навредить, стоя за воротами? – пожал плечами Проскуров.

Он один мог тут казнить и миловать.

И тогда Китайгородцев поспешил на помощь шефу – пока тот следующую ошибку не совершил.

– Проблема не столько в том, что Шаров психически болен, сколько в том, что он скрыл много важной информации, когда оформлялся на работу к вам, – сказал Китайгородцев. – Его надо проверить на предмет того, не скрыл ли он ещё что-то важное.

Проскуров молчал.

– И об увольнении речь, конечно, не идёт, – продолжал Китайгородцев, хотя будь его воля, он бы этого Шарова вышвырнул отсюда тотчас. – Просто на время проверки его надо держать на расстоянии. Так положено. Обычная предосторожность.

Он всё правильно рассчитал. Сначала сказал о том, что Шаров кое-что утаил, а это почти то же самое, что обманул, чего ни один хозяин, конечно же, не любит. А потом дал понять, что увольнять никого не придется, а речь всего лишь о проверке, что совсем другое дело, если разобраться.

Проскуров смерил Китайгородцева тяжёлым взглядом. Будто впервые обнаружил его присутствие.

– И как же ты его на расстоянии... Под каким соусом... Отправишь в отпуск?

Это он так съязвил. Китайгородцев понял.

– Отпуск – это отпуск, – ответил Китайгородцев. – В отпуске человек – вольная птица. А нам надо, чтобы он не летал, где ему хочется, а под присмотром был. Закрыть его надо.

– В смысле? – не понял Проскуров.

– За решётку.

– Под каким предлогом? – изумился Проскуров.

– А предлог придумывать не нужно, – сказал Китайгородцев. – Парень получил права, предъявив фальшивую справку. Милиция может закрыть его на десять суток без предъявления обвинения.

Проскуров вопросительно посмотрел на Хамзу. Действительно ли, мол, мы можем такое проверить.

– Хоть сегодня, – невозмутимо подтвердил Хамза. – Если вы не возражаете, конечно.

* * *

И ещё с одним из проскуровских работников надо было проблему решать – Китайгородцев попросил на пару дней удалить из дома Диму Ярыгина, специалиста по компьютерам, потому что он своим присутствием создавал некоторые неудобства. Проскуров не возражал. Тогда с подачи Хамзы районный военкомат призвал рядового запаса Ярыгина Дмитрия Игоревича на двухдневные сборы, а на самом деле он устанавливал за бесплатно поступившие в военкомат новенькие компьютеры, и всем было хорошо, даже Диме, которому в эти два дня не надо было ездить за тридевять земель на Рублёвку, а достаточно было лишь проехать две остановки на трамвае.

В эти два дня присланный Хамзой из "Барбакана" толковый компьютерщик пошарил по тем компьютерам в проскуровском поместье, к которым имел доступ старший сын хозяина, и со своими находками пришел к Китайгородцеву.

– Хозяйский сын много где бродил по Интернету, – сказал компьютерщик. – То порнушка, то войнушка. Обычные, в общем, в его возрасте дела. Но особый интерес – сайт для самоубийц. Он ежедневно там бывает.

– Покажи, – попросил Китайгородцев.

Компьютерщик набрал адрес сайта. Способы самоубийства. Эффективные способы. Как умереть безболезненно. Как умереть быстро. Какими способами лучше не пользоваться – когда слишком больно или нет стопроцентной гарантии, что умрёшь.

– Зачем он ежедневно заходит на этот сайт? – не понимал Китайгородцев. – Не может выбрать способ самоубийства?

– Там форум есть. Ну, где можно общаться. Ты какую-то информацию сообщаем или вопрос задаешь. Потом тебе так же, через компьютер, отвечают. А читать могут все. И ты можешь чужие тексты прочитывать. Как бы общий разговор, в большой компании. Только виртуальный, никто друг друга не видит. Оно и к лучшему, наверное. Можно обсуждать всё откровенно.

Компьютерщик набрал адрес форума.

Длинный, нескончаемый поток сообщений.

... Не хочу жить, сплошная депра...

... Депра проходит, у меня так было, отпустило, надо подождать...

... Мой друг резал вены два раза, и оба раза живой...

... Резать надо в воде, в ванне, тогда кровь не сворачивается и вытекает вся...

... Сидеть в кровище, да меня стошнит...

... А какая уже разница, все равно собрался умирать...

... Лучше всего таблетки. Наглotalся, заснул и тебя нет...

... Я глотала. А потом проснулась. Во, блин! Мамочка моя рыдает! Тоже типа наглotalась? И мы с ней вместе умерли? Ха! Таблеток было мало, оказывается. В следующий раз возьму больше...

... Ублюдки все, кто здесь тусуется. В жизни много кайфа. У меня вчера было в первый раз. С одноклассницей. Взяли пива. Потусовались. Я ей говорю: давай. Она говорит: давай. Сплошной улёт!..

... Если она залетела и родичи ее узнают – вот тогда посмотрим. Наедут так, что вены будешь резать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.